

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. С. Смирнов

НОВАЯ МОЛОДАЯ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НООСФЕРНОЙ ЭКОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ПЕРСОНОЛОГИИ XXI века*

Экология молодой интеллигенции

Для понимания смысла порождения молодой российской интеллигенции очень важно остановиться на проблеме «экологии молодежной культуры»: ее формирование зависит не столько от *виртуальной* (компьютерной), сколько от создания (воссоздания) *реальной* среды обитания. Некоторые специалисты в области образования думают, что такая среда создается прежде всего техническими условиями, но в действительности главная среда обитания, где только и может существовать интеллигенция, — это исконная культурная среда, помещенная в естественный архитектурно-ландшафтный синтез, формировавшийся столетиями. Только в этом случае сможет существовать то, что называлось русской интеллигенцией, — неразрывность гения места и гения культуры. Не случайно, что именно в дворянских усадьбах медленно складывалась исключительно тонкая по своей природе субстанция одухотворенной материи.

© Смирнов Г. С., 2008

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета. gssmirnov@mail.ru

* Окончание. Начало см.: Интеллигенция и мир. 2008. № 3.

Интеллигенция проявляет себя, прежде всего, в реальном соприкосновении субъективности и среды бытия, и наоборот, вынута в актуальную среду обитания универсумность (вселенскость) прошлого имплицитно содержит в себе интеллигенцию как живую субстанцию человеческого духа, как вселенскую конгениальность.

Поводом для оптимизма относительно возможности выживания интеллигенции в новых условиях — в информационно-агрессивной среде — является великое стремление восстановить порушенную русскую и российскую культуру, или хотя бы обозначить концепты русскости и российскости, в формах создания гигантской сети больших и малых, федеральных и региональных музеев, возрождения народной культуры и народных промыслов, оживления в тексте биографий «бедных гениев», которыми так богата русская провинция. Примером такого рода оживления затившейся на время «геологической» космической духовности может служить музейный центр «Палех иконописный», в котором представлены не только артефакты ушедших эпох, но многообразные формы поведения, общения и деятельности людей, в силу своей профессии постоянно общающихся с миром самых невидимых посюсторонностей, закрепленных не столько в *образах*, сколько в *образах*. Перегруженность невидимым и создает ауру, подталкивающую от чистой интеллектуальности к живой интеллигенции, которая была столь характерна для народного бытия «акватории старого обряда». Немного о другом, но, в сущности, о том же самом в поэтических строчках сказал Л. Мартынов:

Вода благоволила литься,
Она блистала столь чиста,
Что ни умыться, ни напиться,
И это было неспроста.

Ей не хватало ила, тала
И горечи цветущих лоз,
Ей водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде,
Ей жизни не хватало чистой,
Дистиллированной воде.

Это все об интеллигенции, которая, как гениально угадал поэт, может стать самым главным хранителем информации, которую оставила культурная биогеохимическая энергия, порожденная всеми предшествующими поколениями.

Интеллектуалы и интеллигенция в информационном обществе

Русская интеллигенция умерла для того, чтобы воскреснуть в советской интеллигенции, советская интеллигенция умерла, чтобы, в свою очередь, воскреснуть в новой российской интеллигенции. Таков исходный тезис. Но вполне естественно спросить: возможно ли вообще, чтобы интеллигенция как особая человеческая формация сформировалась в интенсивно развивающемся информационном обществе? Этот вопрос касается не частных проблем философии сознания, а предстает как глобальная проблема современности — формирование субъективного фактора перехода биосферы в ноосферу.

Интеллектуал иногда считается ключевой фигурой современности, на самом деле, с точки зрения взгляда из ближайшего ноосферного будущего, он — остаточный феномен развитого технообщества (общества, в котором механизм социального функционирования построен по законам механики), отвечает смыслу жесткого детерминизма классической картины мира. Интеллектуал — фактически результат техно-тоталитарной модели господства над природой (в том числе и природой человека).

Когда говорят о том, что главная фигура современной цивилизации — интеллектуал, то оказываются в плену ушедшего XX века, планомерно истреблявшего энциклопедистов и интеллигентов, оставляя возможность выживания лишь за хорошо управляемыми интеллектуалами, которые в любой момент могли быть выведены за границы своих функций силовым (государственно-чиновничьим) решением.

Интеллектуал — субстанция, обслуживающая техносферу, от нее целиком и полностью зависящая, почти рабски ей подчиняющаяся. В действительности среда современного «направляющего развития»¹ вовсе не ограничивается техносферой или техногенной средой, более того, смена технопарадигмы, уже обозначенная XX веком, свидетельствует о завершении этапа господ-

ства несовершенной (прежде всего экологически и эргономически) техники. Былые техносферы уходят так же, как сменяются «былые биосферы». На первое место выходят вынужденно сопряженные с техносферой сферы, объединенные в ноосферной теории термином «универсум»² (или Ноосфера с большой буквы), который, устранив из мировоззренческих доминант антропоцентризм, вместе с тем вытесняет и разнообразные формы техноцентризма, апофеоз которого столь ярко проявил себя в научной фантастике (которую в известной ее части точнее было бы назвать «научно-технической фантастикой»).

Техническая интеллигенция фактически выродилась в интеллектуалов, а новая интеллигенция вызвана к жизни именно тем, что становление ноосферы входит в свою интенсивную фазу, связанную с формированием нового человеческого качества, высокого уровня развития субъективного фактора, вобравшего в себя в эпоху информационного доминирования все великие достижения предшествующих эпох космопланетарного развития.

В чем же можно увидеть уже сейчас факты становления новой российской интеллигенции? Во-первых, новая интеллигенция — это результат естественного развития советской интеллигенции, *народной по содержанию и многонациональной по форме*. Интеллигенция питается не только и не столько соками «научной жизни», сколько «живым знанием» народной (общенародной) жизни, совокупным соборным жизне-бытием евразийского этноса. Интеллигенция, в отличие от интеллектуалов, — это результат формирования особого синтеза культурных биогеохимических энергий, порожденных многовариантным бытием человечества.

Во-вторых, новая российская интеллигенция — это способ удержания «термоядерной энергии» неуправляемой человеческой деятельности (как это пытаются осуществить для удержания плазмы в «Токамаке») посредством синтеза многообразных религиозных форм (прежде всего, мировых религий), которые выступают универсальным способом самоограничения человека в его выраженной в технических средствах безмасштабности.

В-третьих, новая российская интеллигенция — это новая эволюционная форма человека, свидетельством бытия которой лишь отчасти является феномен «детей-индиго» — ноосферных детей, органично совмещающих в себе в полной мере не только

модели лево- и правополушарного мышления, но также лобного и теменного отражения реальности, которые, в свою очередь, может быть, лишь в первом приближении рисуют многообразие проявлений «разумного живого вещества», сосредоточенного в пространстве биосферы Земли и ее окружения.

Молодая российская интеллигенция: «новая сборка»

В свое время в палитре марксистской мысли функционировал термин «шулятиковщина», который обозначал, что социальное развитие в соответствии с материалистическим пониманием истории жестко следует за развитием технологическим. В логике общественного развития это практически всегда не так, ибо современные синергетические подходы убедительно свидетельствуют о том, что любая незначительная причина, и необязательно техническая инновация, может оказаться фактором, кардинально меняющим особенности социального развития³. Для правильного понимания логики и диалектики исторического развития важно точно определить меру техновоздействия на антропологическое и социальное развитие. Еще более сложно определить особенности воздействия техники на развитие человеческого сознания, в котором биологические детерминанты чрезвычайно сильно довлеют над всеми возможными технотрансформациями. Поэтому при всей кажущейся апробированности идея о том, что субстанция русской интеллигенции была разрушена технопрогрессом, не совсем корректна. Русская интеллигенция была девальвирована капиталистическими механизмами социальной деструкции, о чем убедительно свидетельствуют произведения А. П. Чехова⁴. Как только российское общество осталось с вымороченной религиозностью и цензурированной духовной жизнью, Россия вступила в эпоху тяжелейших исторических испытаний. Для ревитализации организма российской бытийности необходимо оживление не только религиозной жизни во всех ее личностно-персоналистических проявлениях, но свобода научного, философского и художественного искания. Постоянное обновление человеческой субъективности в соответствии с беспрецедентными темпами технического обновления (изменения структуры и концептов искусственной среды вообще) предстает как институт образования. Аттрактором такого рода развития может служить модель ноо-

сферного образования, в существенных чертах сформулированная академиком В. И. Вернадским⁵.

Русская интеллигенция сформировалась на стыке двух культур — западной и восточной. Может быть, следует сказать, что это даже не собственно российский феномен, это результат общемирового взаимодействия двух модусов человеческой культуры: западной — рационалистической (эмпирической, утилитарной, прагматической) и восточной — иррационалистической (интуитивной, вселенско-чувственной, соборно-всеединой). Именно по этой причине говорить о смерти российской интеллигенции в широком культурологическом смысле неоправданно. Наоборот, только сейчас, может быть, и создаются важные условия для того, чтобы феномен русской (российской) интеллигенции из эфемерных дворянских форм стал формой реально действующей — ноосферной. Этот важный социокультурный вывод ставит вопрос о динамике молодой российской интеллигенции — ее реальном формировании в региональных пространствах России с учетом встраивания страны в процессы глобализации, перехода биосферы-техносферы в ноосферу⁶.

Самое глубокое человеческое качество интеллигенции — это феномен «везде-вечности»: интеллигенция в этом смысле внепространственный и вневременной организм, она предстает как своеобразная пневмосфера, по П. А. Флоренскому, единый духовный организм, как вселенское, природное, социальное, антропологическое, культурное, личностное, персоналистическое Всеединство. *Аксиома всеединства* в философском плане убедительно обоснована В. С. Соловьевым, в контексте философии науки (учения о науке как планетном явлении) эта работа проделана В. И. Вернадским⁷. В действительности аксиома всеединства, которая проявляет себя на духовном уровне в той же самой мере, как и на материальном уровне, может рассматриваться как исходная позиция философии интеллигенции и, одновременно, как важная основа формирования ноосферного мировоззрения, ибо самое сложное в складывании ноосферного сознания — *образование* в различных субъектах ощущения и понимания Всеединства. Русская философия Всеединства, берущая начало в самых древних семиотиках, выражает подлинный и самый высокий смысл человеческого бытия.

Интеллигенция.гу: вхождение в синергию знания о ноосфере

Превращение интеллигенции.гу в ноосферную интеллигенцию — процесс еще только начинающийся и поэтому требующий внимательного изучения, в нем много подводных камней, которые сведут на нет все возможные позитивные сдвиги.

В чем особенность становления молодой российской интеллигенции, какую роль она будет играть в истории будущей евразийской России? Ноосферная составляющая заключается в том, что ноосферное миропостроение возможно лишь в том случае, если имеет место не только норма информации, и даже не просто ее переизбыток, а абсолютный переизбыток информации, который дает возможность кристаллизации новой картины мира.

Как же достигается (в том числе и применительно к России) насыщенный раствор информации в образовательной и социокультурной среде. Во-первых, речь идет о *ревитализации* всей информации, которой обладала человеческая цивилизация на протяжении своей ноосферной истории. Эта информация носит этнонациональный и личностно-персоналистический характер, она естественно не лежит на поверхности, более того, для ее экскавации и экспликации потребуются археологические культурологические и высокие гуманитарные технологии. Современные средства массовой информации очень хорошо почувствовали тягу пострелигиозного человека к архетипическим формам знания: стремление к герметическому знанию, обращение к древнейшим мировым культурам⁸ — все это признаки *воскрешения* прошлого, которое очень часто оказывается малой или большой *неправдой* и тем самым мешает правильному пониманию реальной истории бытия человека во Вселенной. П. Коэльо — яркий симптом этой ситуации.

Пострелигиозный человек в такой же мере и человек поста-теистический. «Дисциплинарные» мировые религии (т. е. религии, наполненные поведенческой, обрядовой дисциплиной) постепенно размягчаются — дефундаментализируются. Пострелигиозный человек — это результат утверждения *знаниевого всеединства*. Второе тысячелетие — время разведенности знания, оно могло существовать в преимущественно технических формах поддержки («книжный носитель словесного энциклопедического знания») только как попредметное. В третьем тысячелетии речь фактически

идет о всеобщем синтезе знания (Знания), которое и предстает как основа ноосферного сознания и ноосферного мировоззрения.

Второй необходимый знаниевый ресурс ноосферного универсума — это персонознание. За редчайшим исключением человек закрыт, но *культура открытости* (а это и есть интеллигенция) позволяет возникнуть феномену таланта или гениальности. В XXI веке произошел взрыв «личностного знания» (о чем в теоретическом плане говорил М. Полани⁹), которое впервые на сакральном уровне заявило о себе в апостольских Евангелиях, а в человеческих формах проявилось в «Исповеди» Августина Блаженного, сейчас оно начинает занимать главное место в общественном бытии, и тем более в бытии индивидуальном. Именно поэтому появляется возможность утвердить *лично-персоналистическое ноосферное знание*. В дневниках и воспоминаниях в значительной мере проявляется ценностно-ноосферный потенциал человека, который в своей реальной деятельности вынужден ориентироваться на усеченные, а порой и просто неноосферные императивы, навязываемые государственной элитой, которая чаще всего ориентируется на геополитические, а не антрополого-гуманистические аспекты. Именно личностное знание и предстает главным проводником *ноосферного взросления* любого социального субъекта (не только человека, но и этноса), а также дает нам возможность получить истину из первых рук, что делает знание о мире «очеловеченным». Чрезвычайно важно, что в XX веке проблема маленького человека переросла из проблемы человеческой судьбы в проблему человеческого творчества, которое только и может рассматриваться как ноосферное бытие человека (*ноо-бытие*). Ноосферная бифуркация в человеке (то, что фактически и делает человека представителем интеллигенции) — самое сложное для понимания явление ноосферной истории. Зримая фиксация этого феномена — в «Явлении отроку Варфоломею» М. Нестерова, в тотальных биографиях Г. Галилея, В. И. Вернадского, А. Эйнштейна и многих других мировых гениев. Очень показательны, что *ноосферное ветвление* начинает проявлять себя и в жизни «малых сих» — людей большой глубинки. Ноосферное обновление приходит в мир все чаще и все неотменимеей.

Помимо информационной полноты ноосферной интеллигенции в еще более значительной степени необходимы ноосфер-

ные технологии интериоризации и экстериоризации знания. Как показывает история образования, в условиях глобальных проблем неработающие (тормозящие) технологии требуют серьезного обновления, прежде всего за счет значительного философско-культурологического усложнения компьютерной информации. «Детская болезнь» компьютеризации, несущей в колоссальном объеме неживую информацию, может в значительной степени изуродовать и мир человека; переход от интеллигенции.ру к ноосферной интеллигенции должен предполагать, что для последней мертвая информация чрезвычайно губительна. Как говорится в сказках, для оживления человека сначала омывают мертвой водой, а затем живой, так и в этом случае: сначала человека омывают «мертвой информацией», а затем для оживления — «живым знанием». Для включения ноосферных концептов человек должен осознать и понять смысл «онтологического знания» (*онтоо-знание*), превратив его в знание аксиологическое.

Самый значительный сдвиг, происходящий (или уже произошедший) в информационном обществе, — это вхождение в *синергетику знания*. То, что ранее рассматривалось как *естественное образование*, оказалось механистическим (схоластическим) образованием, т. е. таким, которое навязывается, навешивается. Более того, когда такое жесткое детерминирование широкого народного сознания переходит с уровня парадигмального (сформированного научным сообществом) и социокультурного (создаваемого системой архетипов и традиций) на государственнический (идеологический) уровень, то знание постепенно превращается из развивающегося в застойное, и в конечном итоге вообще умирает. Вслед за этим умирает и само общество, позволившее государству перейти допустимые рамки (это в яркой форме свершилось в последние десятилетия коммунистической истории России).

Самоорганизация знания, осуществляющаяся в формах развитого (открытого) демократического общества, и есть действительное естественное образование, обеспечивающее вхождение в ноосферно-развивающееся общество. В этом смысле термин «демократия» приобретает еще один очень значимый смысл, *ноосферная демократия* — это равный доступ к информации, знанию. Заметим, что именно в этом смысле советское общество на определенных этапах своего развития (при всем его тоталитариз-

ме) представало как общество знаниево-демократическое, и обеспечившее тем самым новый рывок вперед, несмотря на эгоизм и предельную антинародность и антисоветскость правящего партийно-чиновничьего класса.

Ноосферная персонология

Ноосферная персонология — крайне интересная философская и культурологическая предметная область. Она занимается такими вопросами, как подспудно формируется в человеке ноосферное содержание и ноосферная ориентация, какие гносеологические, аксиологические и праксиологические механизмы запускаются и на каких этапах они наиболее эффективны, как проявляется *личная ноосферная динамика*, какие мыслители наиболее сильно влияют на эти процессы. Думается, что в современных условиях компьютерной и информационной революции социальная революция (в полном соответствии с размышлениями Л. Н. Толстого) с общественного уровня переносится на уровень личностно-персоналистический, и в силу этого такая революция может быть названа «знаниево-антропологической» (семиотической). Такая человеческая революция формирует невидимо для наших глаз *новое человеческое качество*. Именно поэтому процесс изменения личности и формирования индивидуальности столь незаметен, но именно он определит дальнейшее развитие человеческой цивилизации, подходящей в своем развитии к новой точке бифуркации. Иногда говорят, что иллюстрацией такой эволюции служат «дети индиго», но фактически речь идет о формировании ноосферной интеллигенции, эмбриональные процессы зарождения которой связаны со сменой эпох и тысячелетий. Проблема ноосферной самоидентификации (ноосферной идентичности¹⁰) может рассматриваться как центральная проблема ноосферной персонологии: ибо в свободном обществе человек обязательно размышляет о том, по каким калькам, меркам, лекалам строится ноосферная личность и индивидуальность и как человек сам себе отвечает на вопрос о возможной своей ноосферности.

В работах И. В. Дмитриевской эта проблема решается в контексте системного подхода, феноменологии и герменевтики на многочисленных примерах, в том числе на ноосферной истории периода Серебряного века российской культуры. Ноосферный

текст и ноосферный диалог¹¹ как инструменты ноосферной самоидентификации оказываются важнейшими условиями становления ноосферного человека, ноосферной личности, ноосферной индивидуальности, выходящими за рамки обычного образования. В этой точке персонология и антропология встречаются, чтобы объяснить метаморфозы *ноосферной субъективности*.

Опираясь на многочисленные примеры из жизни великих людей, следует признать, что человек чаще всего *становится* не благодаря, а вопреки существующей системе образования, которая всегда опаздывает за темпами развития миро-бытия.

Весьма сложной проблемой ноосферной персонологии является конструирование ноосферной картины мира в сознании молодого человека эпохи ноосферно-информационной цивилизации. Ноосферная картина мира предстает на тех же уровнях сложности, как и собственно научная картина: классическом, неклассическом и постнеклассическом (условно говоря, модель В. И. Вернадского, модель Н. Н. Моисеева, формирующаяся на основе универсального эволюционизма, и складывающаяся в наше время синтетическая модель ноосферной картины мира). Наиболее сложной является последняя, ибо она вбирает в себя те открытия, которые пока еще не включаются в научную картину мира на равных правах, поскольку проходят процедуры верификации и фальсификации. Сложность ее заключается в том, что сейчас, как никогда раньше, оказываются размытыми границы между научной реальностью и научной футуральностью. В формировании ноосферной картины мира, как показывают работы В. П. Казначеева¹², Л. В. Лескова¹³ и др., уже невозможно обойтись без «безумных» идей, совершающих переворот в понимании, преодолевающих уже уходящие парадигмы.

Искушение бесконечностью информации

Современные псевдоинтеллектуалы рождаются не в капусте, а в сети. Легкость доступа к любой информации чаще всего дополняется отсутствием контекста, необходимого для понимания, псевдоинтеллектуал общается с «мертвым знанием», знанием, которое не вырастает из магии знака, откровения слова и ощущения вселенского бытия («вселенского чувства», по И. И. Лапшину¹⁴). Информация в сети может быть искусственным

удобрением для роста субъективности, но *главное* фактически находится вне контекста этого косного («неживого») знания. Главное в формировании ноосферного мировоззрения и ноосферного сознания находится в реальной (в том числе и Вселенской, и космопланетарной, и региональной, и местной) среде обитания, это реальное бытие, тождественное сознанию, и составляет суть процесса формирования нового качества.

В духовном развитии у человека всегда есть возможность в точке бифуркации выбрать два пути развития (на самом деле их значительно больше, но пока абстрагируемся от них): в направлении интеллектуализма и в направлении интеллигентности. Заметим, что в русском языке «интеллект» фактически фиксирует мужской гендер, а «интеллигенция» — женский. Применительно к моделям научных картин мира это похоже на формы жесткого и мягкого детерминизма, что показывает специфику корневых противоположностей, составляющих не самую простую, хотя и не самую сложную ноосферную коллизию. Очень часто проблема разумности социального действия обнаруживает себя именно в этом развивающемся миллионами лет дискурсе.

Не претендуя на социологическую точность, выделим три группы интеллектуальной российской молодежи: во-первых, это собственно интеллектуалы (10—20 %), во-вторых, становящиеся интеллигенты (прединтеллигенция) (1—5 %), в-третьих, «ноосферный меон», т. е. субстанция, из которой реально формируются *дополняющие друг друга* типы интеллектуалов (высший и средний слой представителей естественнонаучной культуры) и интеллигентов (высший слой представителей духовной культуры). Одна из важнейших задач «ноосферного общества» (или «рационального общества», по Н. Н. Моисееву¹⁵) заключается в формировании и сохранении этого тончайшего пласта и целенаправленном его расширении в особым образом сориентированной системе образования. Именно в этом и заключается, на наш взгляд, главный ресурс выживания современного человечества.

Как возможна молодая ноосферная интеллигенция

Центральный вопрос рассматриваемой проблематики — возможна ли в современных условиях торжества техносферы (техно-производительного насилия) молодая (ноосферная), в том числе

и российская, интеллигенция? Первый и самый простой ответ — отрицательный, так как современный человек поработен техносферой и шансов на сохранение духовно-ноосферной идентичности у него на сегодняшний момент нет. Однако следует признать, что собственно философская работа и начинается прежде всего там, где возникают вопросы: «Как это возможно?» и даже «Как возможно невозможное?» Применительно к рассматриваемой проблеме следует спросить: «Как возможно ноосферное?» Трудность ответа заключается в том, что ноосферная сложность всегда имеет возрастающий характер, на сегодняшний момент таких ограничений, которые существуют применительно к производству энергии, по отношению к производству информации не существует. Экологическое лимитирование информации в биосфере, в силу того, что эти процессы носят пока зачаточный характер, — проблема далекого будущего, но именно феномен интеллигенции как своеобразного регулятора потоков информации (процессора) свидетельствует о том, что такая проблема имеет место с самого начала антропоинформационной эпохи человеческой истории.

В российской культурной традиции в течение всего XX века шло последовательное разрушение всех составляющих культуры как на общественном, так и на индивидуальном уровнях. Тотальное разрушение старой (новоправославной) религиозной инфраструктуры и религиозной памяти — не единственный пример того, что в точке бифуркации происходит потеря системной памяти. То же имеет место и в отношении к искусству, философии, а также к науке. Думается, что одна из самых глубинных, важная причина (в методологии ноосферной истории) распада СССР — духовная и культурная несвобода. И именно поэтому, говоря о молодой российской ноосферной интеллигенции, следует помнить о необходимости создания экологических ниш духовности (по образу и подобию «пушкинского» лица). Большая часть этой образовательной работы по определению не может не быть духовной благотворительностью, которая всегда была характерна для российского учительского и преподавательского сообщества и которая (как сейчас отчетливо видно) никак не может вписаться в реалии «болонского процесса».

Главная задача молодой ноосферной интеллигенции состоит в преодолении тех трагических коллизий, которые принесла

человечеству техногенная цивилизация, гигантским смерчем разметавшая идеалы ноосферной человеческой самоорганизации.

Важнейший результат становления новой российской интеллигенции заключается в выходе из состояния *нигилизма и экстремизма*, характерного для времени самодержавной российской истории, и *двойного сознания и двойной морали*, которые формировались в эпоху однопартийной тоталитарности. Архетипы «нетерпение» и «фига в кармане» становятся в значительной степени ненужными для выживания свободы духа в открытом обществе, ибо процедуры верификации и фальсификации виртуальных моделей устойчивого будущего могут осуществляться не силовыми действиями правящих элит, а «естественной демократией» свободного самоопределения духовной (ноосферной) личности в зоне деятельности наибольшего благоприятствования. Такая нежная субстанция социокультурного бытия возможна лишь при создании целой системы условий, способствующих возникновению феномена духовной эмерджентности, без которой не осуществима сознаниевая когеренция, просвечивающая темные углы и тупики будущностной неопределенности. Версия ноосферной коэволюции чаще всего и не возникает в истории цивилизации, ибо «Роза Мира»¹⁶ (вселенская духовность) социоприродной самоорганизации распускается только в часы максимального проявления света и тепла (в «осевое время»), но чаще всего она находится в состоянии нераскрывшегося бутона. Будем надеяться, что современная российская мода на фито-дизайн дорастет до понимания необходимости «духо-дизайна» в садах большой и малой российской государственности, что «насаждение древа государства российского» будет иметь не только прямой, но и переносный иконописный, пневмосферный смысл.

Ноосферный университет как общенациональный проект формирования молодой российской интеллигенции

Европеизация российского образования — процесс, интенсивно длящийся уже 300 лет. Первый его этап связан с «открытием окна в Европу». Волна дворян, посланных Петром I для обучения за границу, обеспечила первую — научную и техническую модернизацию России.

Вторая волна европеизации сознания и образования российского общества связана с разгромом армии Наполеона и походом в Европу российских войск: запускается политико-идеологическая модернизация, которая оказалась необходимой для дальнейшего развития модернизации технической. К сожалению, николаевские времена погасили надежду на естественное эволюционное развитие страны. Социально-политическое и политико-идеологическое обеспечение модернизации России было отодвинуто даже не на 1861 год, а на эпоху русских социальных революций 1905 и 1917 годов.

Третья волна («девятый вал») европеизации России пришлась на начало XX века, затем мировая война фактически смела российскую имперскую организованность и поставила на ее место тоталитарный механизм обеспечения функционирования страны как военного лагеря. Эпоха так называемой Советской России обеспечила *самостное* (начально-евразийское) развитие страны, которая «отошла» как от Европы, так дистанцировалась и от Азии.

Нынешний четвертый этап (*ежестолетней*) модернизации сознания и образования российского общества связан не просто с европеизацией (формированием «европейскости» или «западнизма»), но и мощными процессами «овосточивания». Такой «геовселенский универсализм» в полной мере отвечает модели ноосферного образования, ибо геополитическое положение России как «хартленда» бросает Российской Евразии (как говорил А. Д. Сахаров — Союзу евразийских республик) вызов, от которого она не имеет права отказаться, как не имела шансов отказаться от евразийского вызова в эпоху Второй мировой войны. Именно поэтому современное российское образование требует совершенствования не только в технико-методической, но и геомировозрнческой ипостасях¹⁷.

Формирование нового типа европейского университета в России по модели В. Гумбольдта, включение «Космоса» А. Гумбольдта в научное российское мировидение, воздействие кантианства, фиктеанства, шеллингианства, гегельянства, ницшеанства и марксизма на мировоззрение российского общества — все эти и многие другие веяния шли в Россию в контексте образовательных технологий. Отметим, что это образовательное европейское влияние обычно осуществлялось через *высокий* — научно-философ-

ский — уровень. Современная европеизация российского образования в контексте болонского процесса осуществляется на *низком* — технико-методическом — уровне. В результате этот в целом позитивный процесс для большинства работающих в сфере образования предстает как упрощение или даже деградация. (Не случайно поэтому, что для значительной части университетской интеллигенции России характерно осторожное, и даже негативное, отношение к процессам «болонизации» российского образования, ибо в этом случае отчетливо видна «игра на понижение»).

Современный этап развития ноосферного образования (2001—2008) неразрывно связан с реализацией решений мирового саммита по устойчивому развитию (WSSD) в Йоханнесбурге (2002). В этот период прошли международные конференции, посвященные проблемам ноосферного развития и ноосферного образования. Появились монографические исследования по проблемам ноосферного образования. Сформировались крупные образовательные структуры, использующие методологические и организационные концепты модели ноосферного образования (Международный эколого-политологический университет, у истоков которого стоял академик Н. Н. Моисеев, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», возглавляемый Президентом РАЕН О. Л. Кузнецовым, Объединенный университет им. В. И. Вернадского на базе тамбовских вузов). Эффективно действуют такие организационно-интеллектуальные структуры, обеспечивающие региональные и общероссийские модели ноосферного образования и ноосферного развития, как Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского.

Существенным шагом в развитии теории и практики ноосферно-экологического образования стало рассмотрение его в контексте стратегии устойчивого развития. Ноосферное образование интенсивно вовлекает в сферу своих интересов не только историко-философские, общеполитологические, социально-философские, психологические, педагогические, организационные, но и философско-антропологические, информациологические, семиотические аспекты¹⁸. Общественная апробация показала, что ноосферная парадигма образования может рассматриваться как важная часть системы экологического образования, а также в контексте моделей развивающего образования.

Российские разработки последнего десятилетия в области ноосферного образования¹⁹ создают мировоззренческие, теоретические, методологические и методические основания, а также практические условия для переосмысления тенденций развития современного российского образования и его перехода на новый уровень, соответствующий сложности тех задач, которые стоят и еще только встанут перед страной в ближайшие десятилетия.

Примечания

1. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М., 1995.
2. *Моисеев Н. Н.* Универсум. Общество. Информация. М., 2001; *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 1.
3. Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003; *Урсул А. Д., Урсул Т. А.* Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы. М., 2007.
4. *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст: системно-герменевтический анализ // Реалии ноосферного развития. М., 2003; *Дмитревская И. В.* Герменевтика драматургии А. П. Чехова. Иваново, 2008.
5. *Вернадский В. И.* О науке. СПб., 2002. Т. 2. Научная деятельность. Научное образование; Вернадский: pro et contra: Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898—1998). СПб., 2000.
6. Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003; *Баландин Р. К.* Техносфера и ноосфера // Вопр. философии. 2005. № 5.
7. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
8. *Джелли Дж.* Цирцея. Иваново, 2005.
9. *Полани М.* Личностное знание. М., 2000.
10. *Смирнов Д. Г.* Ноосферная идентичность // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость: Материалы Междунар. науч. конф. Иваново, 2008.
11. *Дмитревская И. В.* Ноосферный текст; *Она же.* Ноосферный диалог: путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. Иваново, 2002. Вып. 2.
12. *Казначеев В. П.* Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004.

13. *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная. М., 2004.
14. *Лапшин И. И.* Вселенское чувство. СПб., 1908.
15. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М., 2000.
16. *Андреев Д. Л.* Роза Мира. М., 1995.
17. *Суминова Т.* Ноосфера: поиски гармонии. М., 2005; *Смирнов Г. С.* Интеллигенция и ноосфера: Философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007.
18. *Дробжев М. И.* Учение В. И. Вернадского и реалии XXI века. Тамбов, 2007; Ноосферология: наука, образование, практика. Симферополь, 2008; *Шимельфениг О. В.* Живая Вселенная. Саратов, 2005.
19. Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету. Иваново, 1997; *Маслова Н. В.* Ноосферное образование: Научные основы, концепция, методология, технология. М., 2002; В. И. Вернадский: ноосферология и образование: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 21—22 мая 2002 г. М., 2002; Ноосферология: наука, практика, образование: Материалы Междунар. конф. Симферополь, 2008; *Смирнов Г. С.* Ноосферное образование: «мыслить глобально, действовать локально» // Вестн. Иван. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 3, Филология. История. Философия.